

Об истине и правде^{*}

К.Х. Момджян

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-110-123

Original research paper

Аннотация

Автор анализирует различия между двумя видами ориентационной активности человека, задачей которой является осмысление (познание или осознание) наличного бытия – того, что уже существует в нашем мире или должно появиться в нем независимо от человека. Альтернативой ориентационной активности является проектная активность сознания, задача которой состоит в конструировании того, чего в мире еще нет, но что должно быть в нем, чтобы жизнь человека была возможной и комфортной. Автор рассматривает важное различие между рефлексивной ориентацией, познающей мир в собственной логике его существования, которая дана субъекту познания принудительно и не зависит от его ценностных предпочтений, и валюативной ориентацией, которая оценивает мир, соотнося его с потребностями и интересами людей. Автор полагает, что рефлексивная ориентация говорит с нами на языке суждений истины, которые – в отличие от суждений ценности, выражающих не истину, а «жизненную правду», – подлежат верификации, позволяющей отличить объективную истину от незнаний и заблуждений. Что же касается ценностных суждений, то они могут иметь *общезначимый* и даже *общеобязательный* характер, когда те или иные нормы закрепляются в юридических и иных установлениях как предписанный способ мышления, чувствования и практического поведения. Однако ни интересубъективность ценностных суждений, ни их облигаторность не тождественны их истинности. Мнение не становится истинным, даже если это мнение большинства, противоправный выбор, подлежащий наказанию, не является гносеологически ложным, если сделан с должной мерой осознания и понимания. Исходя из диалектики со-бытия «истинностной» и «ценностной»

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-01097 «Социальная теория и власть: современная российская перспектива», проект № 18-011-00980 «Социальная эволюция и прогресс как категории номотетического познания».

Подготовка статьи проходила в рамках деятельности ведущей научной школы МГУ имени М.В. Ломоносова «Трансформация культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление».

сфер человеческой жизнедеятельности, автор выступает в защиту объективной истины, возражая одновременно против ее абсолютизации, превращения в субстанцию человеческого духа, и призывает к «цивилизованному» (конструктивному, а не уничижительному) отношению суждений истины. Только в этом случае, несмотря на изменчивость человеческих представлений, неспособность человека знать все, мы сможем отстоять способность нашего ума раскрывать пусть не абсолютную, феноменологическую, но все же объективную истину.

Ключевые слова: истина, правда, ценность, рефлексивное сознание, ценностное сознание, проектное сознание, объективность, верификация.

Момджян Карен Хачикович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

karm48@mail.ru

Для цитирования: Момджян К.Х. (2019) Об истине и правде // Философские науки. 2019. Т. 62. № 3. С. 110–123.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-110-123

On the Reflective Truth and Valuative Truth*

К.К. Momdzhyan

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-110-123

Original research paper

Abstract

The author analyzes the differences between the two types of orientation activity of human mind. The purpose of orientation activity is the comprehension (cognition or awareness) of the present being that already exists in our world and doesn't depend on a man. An alternative to orientation activity is the project activity of mind, the task of which is to construct what is not yet present in the world, but what should be in

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 18-011-01097 “Social Theory and Power: A Modern Russian Perspective,” project no. 18-011-00980 “Social Evolution and Progress as a Category of Nomothetic Cognition.”

The article was prepared within the framework of the activity of Lomonosov Moscow State University's leading scientific school “Transformation of Culture, Society and History: A Philosophical and Theoretical Reflection.”

it for human life to be possible and comfortable. The author considers an important difference between a) the reflective orientation that cognizes the world in its own logic of existence, which is given to the subject of cognition forcibly and does not depend on its value preferences, and b) the valuative orientation that evaluates the world, correlating it with the needs and interests of people. The author believes that reflective orientation speaks in the language of the judgments of reflective truth, which are subject to verification that allows to distinguish objective truth from ignorance and misconceptions. The judgements of value can be universally significant and even mandatory, when the norms are embodied in legal and other acts as a prescribed way of thinking, feeling, and practical behavior. However, neither the intersubjectivity of the judgments of value nor their obligatory nature are identical to their truthfulness. An opinion does not become true, even if it is the opinion of the majority, the illegal and punishable is not logically false, if it is made with the proper measure of awareness and understanding. Considering the dialectics of the co-existence of the “true” and “value” spheres of human life activity, the author defends the objective truth (but opposes its absolutizing, transformation into a substance of human spirit) and calls for a “civilized” (constructive, rather than pejorative) attitude to the judgments of truth. Only in this case, despite the variability of human ideas and the inability of man to know everything, we can defend the ability of our mind to reveal not an absolute and phenomenological but still objective truth.

Keywords: truth, value, reflective consciousness, value consciousness, project consciousness, objectivity, verification.

Karen Momdzhyan – D.Sc. in Philosophy, Professor, Head of the Department of Social Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.
karm48@mail.ru

For citation: Momdzhyan K.K. (2019) On the Reflective Truth and Valuative Truth. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 3, pp. 110–123. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-110-123

Введение

Сегодня понятие «истины» становится центральной категорией не только гносеологии, логики или философии науки, но все больше входит в дискурсивное поле социальной философии, философии политики, политики как таковой. События общественной и политической жизни Великобритании 2016 г., известные как Brexit, и президентская кампания Д. Трампа ознаменовали собой рубеж, в результате которого истина стала не просто частью политического дискурса, но и приобрела приставку «пост-», ука-

зывающую на изменение ее существенных характеристик. В силу этого, новая форма истины в виде постправды стала опираться не на «объективные факты», как это было на протяжении всей истории западной философии, а на «эмоциональные и личные убеждения» [Post-Truth]. Но следует еще разобраться, настолько ли критична ситуация или все же реквием по истине прозвучал преждевременно.

В связи с термином «постправда» в названии нашего круглого стола я вспомнил слова бухгалтера Берлаги из «Золотого теленка», который, изболчив взяточника Скумбриевича, заявил: «Я сделал это не в интересах истины, а в интересах правды».

Эта фраза воспринимается как забавная нелепица, поскольку в массовом сознании понятия «истина» и «правда» рассматриваются как синонимы. На самом деле в словах Берлаги можно обнаружить глубокий философский смысл, поскольку истина и правда – очень разные вещи. Чтобы понять природу этого различия, следует рассмотреть структуру духовной активности людей и создаваемого ею общественного сознания.

О рефлексивной и валюативной ориентации человека в мире

Духовная активность выступает как тип деятельности человека, отличный от практической деятельности. Практика физически изменяет природную и социальную среду существования людей. К этому типу относятся *хозяйственная деятельность*, создающая необходимые людям вещи, *организационная деятельность*, создающая «формы общения людей», связи и отношения между ними, *социальная деятельность*, продуктом которой является «непосредственная человеческая жизнь». Духовная деятельность, напротив, меняет не сам мир, а человеческие представления о мире, создавая знаково-символические объекты, моделирующие мир посредством идей и образов, выступающих как опредмеченная информация.

Различие между практическим и духовным типами деятельности, конечно же, не является абсолютным: они взаимно нуждаются друг в друге таким образом, что промышленная практика невозможна без духовной активности инженеров, точно так же как духовная активность архитектора невозможна без практической деятельности строителей.

Обращаясь к анализу духовной деятельности, мы первым шагом выделяем два разных ее типа, представленных *ориентационной* и

проектной активностью людей. Задачей ориентационной активности является осмысление (познание или осознание) наличного бытия – того, что уже существует в нашем мире или должно появиться в нем независимо от человека. Задачей проектной активности, напротив, является конструирование, «придумывание» того, чего в мире еще нет, но что должно быть в нем, чтобы человеческая жизнь оказалась возможной и комфортной.

О различии этих форм духовной активности издавна говорили философы, в частности Г.В.Ф. Гегель, использовавший для их обозначения термины «теоретическое» и «практическое» сознание. «Во взаимоотношениях с предметом, – писал Гегель, – Я бывает 1) *пассивным*, а предмет – причиной определений во мне. В этом случае имеющиеся во мне определенные представления появляются оттого, что непосредственно наличные предметы производят на меня какое-то впечатление. Это и есть *теоретическое* сознание. <...> 2) противоположным образом проявляет себя Я как *практическое* сознание, когда нужно, чтобы определения Я не оставались только определениями его представления и мышления, а сделались внешне существующими. Тут я уже определяю вещи, я являюсь причиной изменений данных предметов» [Гегель 1971, 7–8].

Отказываясь от терминологии Гегеля, я исхожу из того, что ориентационный тип сознания далеко не всегда является теоретическим в принятом значении этого слова – к примеру, полицейский, идущий по следу преступника, осуществляет ориентационную, но не теоретическую активность (которой занят ученый-криминалист). С другой стороны, писатель, обдумывающий новые повороты сюжета, занят проектной, но явно не практической активностью.

Как бы то ни было, различие между ориентационной и проектной активностью признается многими философами. Исключение составляют сторонники субъективного идеализма, абсолютизирующего проектную функцию сознания, и вульгарного материализма, абсолютизирующего его ориентационную функцию (впрочем, автор известной «теории отражения», ознакомившись с «Наукой логики» Гегеля, признал, что мысль, согласно которой сознание не только отражает, но и творит мир, верна и важна для понимания истории).

Излишне говорить, что типологическое различие ориентационной и проектной подсистем сознания не абсолютно и не исключает их взаимоположенности и композиционного пересечения.

Связь *взаимоположенности* означает, что выделенные формы духовной активности не способны существовать друг без друга. К примеру, проектная активность инженера невозможна без научных знаний о мире, в то время как ориентационная активность ученого предполагает конструирование идеальных объектов, которые отсутствуют в реальном мире, но выступают как необходимые инструменты познания («точка», «идеальный газ» или «общественная формация»).

Композиционное пересечение означает, что каждая из выделенных подсистем сознания способна «побочно» исполнять альтернативную функцию, которая не является для нее специфицирующей. Так, многие жанры искусства, представляющего собой творение мира по законам красоты, способны давать нам важные знания о человеке и мире, в то время как математические и другие научные теории нередко оценивают не только со стороны их адекватности, но и со стороны эстетического совершенства.

Вторым шагом в анализе духовной активности, ведущим к различению интересующих нас «истины» и «правды», является выделение двух разных форм человеческой ориентации в мире, представленных *рефлексивной* и *валюативной* (ценностной) ориентацией. И в том и в другом случае речь идет об осмыслении наличного бытия, того, что уже существует в мире, однако способности такого осмысления качественно отличаются друг от друга.

Рефлексивная ориентация представляет собой *познание* мира, которое стремится понять мир в собственной логике его существования, данной субъекту познания принудительно и не зависящей от его ценностных предпочтений. Наш мир устроен так, что тела притягивают друг друга, а при нагревании расширяются не зависящей от того, нравится нам это или нет. Осмысление подобных обстоятельств дает нам *знания* о мире, которые формулируются на языке *суждений истины*, поддающихся процедурам верификации, фальсификации и другим способам отличения знания от незнания и заблуждения. Проблема теории истины представляет собой обширную специальную сферу знания, которая традиционно привлекает внимание исследователей. Хороший критический обзор существующих позиций приведен в работах [Kirkham 2001; Asay 2013; Касавин и др. 2010].

«Истина», таким образом, выступает как состояние рефлексивного сознания, в то время как «правда» представляет собой состояние альтернативного типа ценностной ориентации, задача

которого состоит не в познании, а (словами К. Ясперса) *осознании* мира. Валюативное сознание не интересуется миром «самим по себе», его интересуют значения мира для живущих в нем людей. Валюативное сознание оценивает реально существующий мир, соотносит его с потребностями и интересами людей, чтобы понять, что в этом мире есть добро и что есть зло, что справедливость и что несправедливость, к чему человеку следует стремиться, на что он, словами Канта, может надеяться и что он должен делать.

Важно понимать, что валюативное сознание использует не суждения истины, а *суждения ценности*, в основе которых лежат представления человека о приоритетных с его точки зрения целях существования в мире. Со времен Дэвида Юма и Иммануила Канта известно, что подобные прескриптивные суждения, ориентированные на мир должного, качественно отличаются от денотативных суждений о мире сущего. Суждения ценности не подлежат гносеологической верификации, они дают нам не *знания* о мире, а адаптивно значимые *мнения* о нем, которые не могут быть объективно истинными или ложными.

Конечно, суждения ценности могут иметь *общезначимый* характер, когда те или иные предпочтения разделяются большим числом людей и доминируют в разных обществах и на разных этапах истории. Более того, суждения ценности могут иметь *общеобязательный* характер, когда те или иные предпочтения имеют нормативный характер, закрепляются в юридических и иных установлениях как предписанный способ мышления, чувствования и практического поведения.

Однако ни интересубъективность ценностных суждений, ни их облигаторность не тождественны их истинности. Мнение не становится истинным, даже если это мнение большинства, противоправный выбор, подлежащий наказанию, не является гносеологически ложным, если сделан с должной мерой осознания и понимания.

Впрочем, идея неверифицируемости суждений ценности не является общепринятой. Достаточно вспомнить религиозную презумпцию, согласно которой субъективность человеческих предпочтений ограничивается наличием трансцендентных по своему источнику ценностей, носителями которых является воля Бога. Такую точку зрения разделял, к примеру, С.Л. Франк, полагавший, что «кантианское возражение, что сущее... не может служить основанием для должного, верно только в отношении эмпириче-

ской реальности, но неверно в отношении онтологически-сущего... Добро не есть только “идеал”, устанавливаемый человеческой волей, иначе оно оставалось бы произвольным; добро, как таковое, не есть только “должное”, требование, – таким оно выступает лишь в отношении несовершенной человеческой воли... Только если добро есть момент абсолютного бытия, если в нравственном требовании мы сознаем голос, исходящий из глубин бытия и онтологически обоснованный, его осуществление приобретает для нас разумный смысл» [Франк 1992, 256–257].

Еще одним способом обоснования гносеологической «подсудности» ценностных суждений является указание на их адаптивный характер. С этой точки зрения, гносеологически неверифицируемыми являются лишь такие ценностные предпочтения, которые имеют нежизнеобеспечивающий характер. Иначе обстоит с жизнеобеспечивающими предпочтениями, которые признают истинными или ложными, если они способствуют самосохранению человека и общества или препятствуют ему.

Я полагаю, что адаптивная значимость ценностных предпочтений не является критерием истинности/ложности суждений ценности, которые выражают их. У меня не вызывает сомнений тот факт, что объективной целью любых живых систем является самосохранение, предполагающее решение двух связанных, но не совпадающих задач. И люди, и животные стремятся сохранить *факт жизни*, обеспечив биологическое выживание в среде, и одновременно *качество жизни*, воспринимаемое живой системой как комфортное.

Тем не менее самосохранение человека качественно отличается от самосохранения биологических систем. Дело в том, что для человека факт жизни является объектом ценностного выбора, имеющего, как и всякий выбор, неоднозначный характер. Это значит, что в «пограничных» (словами К. Ясперса) ситуациях, когда невозможно обеспечить и факт, и качество жизни, человек способен предпочесть качество факту, т.е. отказаться от жизни ради ценностей, признаваемых более важными, чем жизнь. И этот выбор, как и всякое другое ценностное предпочтение, не подлежит гносеологической экспертизе – он не может быть признан ложным в случае, если сделан с должной степенью осознания. Мы не вправе считать, что человек, решившийся на самоубийство с целью защитить себя от опасностей, «худших чем смерть», или решивший пожертвовать собой ради некой благой цели, совершил

гносеологическую ошибку, связанную с незнанием или непониманием некоторых обстоятельств.

Таким образом, у каждого человека, оценивающего мир (1), своя «правда», в основе которой – субъективное представление о желаемых целях существования в мире. Для одних жизненная правда состоит в стремлении к удовольствиям, для других – в воздержании от них. Одни требуют запрета аборт, другие настаивают на свободе женщины распоряжаться своим телом, и мы не вправе рассматривать одну точку зрения как доказуемо истинную, а другую – как ложную.

Так вот, поскольку философская трактовка валлоативной правды со времен Канта существенно не изменились, я считаю термин «постправда» неточным. Проблемы возникли не с правдой, а с истиной, которую некоторые представители современной философии стремятся маниакально дискредитировать. Речь идет об отрицании объективной истины, не зависящей от ценностных предпочтений субъекта, попытках доказать, что между суждениями истины и нарративами общественного мнения отсутствует принципиальная разница.

О трезвом взгляде на истину

Должен сказать, что эта позиция не случайна – во многом она является реакцией на ошибочные трактовки истины, распространенные в период, именуемый эпохой модерна. Прежде всего речь идет о «корреспондентской» теории истины, согласно которой она понимается как соответствие человеческих знаний некой действительности, очищенной от человеческих интерпретаций. Очевидно, что эта точка зрения не учитывает тот фундаментальный факт, что действительность дана нам феноменологически как то или иное восприятие или представление о ней (2). Любая попытка прорваться к действительности «самой по себе» (к кантовскому миру ноуменов) невозможна, равносильна стремлению запрыгнуть самому себе на спину.

Очевидно, что корреспондентская трактовка истины (которой руководствуются многие профессиональные ученые) должна быть переосмыслена философией, что было сделано, в частности, Кантом, который рассматривал истину как согласие разума с чувственным опытом и самим собой. При таком подходе мы осознаем дистанцию между миром и его феноменологическими проекциями, признавая одновременно, что в явлениях мира, от-

крытых человеку, наличествует объективная, независящая от воли людей регулярность, которая может быть и должна быть раскрыта познающим субъектом. Подобный подход позволяет сохранить объективность истины, равно как и идею практики как ее критерия, очистив фундамент науки от философских наивностей.

Другая ошибочная трактовка истины (утвердившаяся в эпоху Просвещения) состоит в неправомерной абсолютизации истины, превращении ее в субстанцию человеческого духа. Согласно такому «когнитивному империализму», истина может и должна быть обнаружена во всех без исключений сферах человеческого сознания. Те из них, которые сопротивляются этому, не желают подчиняться «аргументам и доказательствам», относятся, словами Лиотара, к «ментальности дикой, примитивной, недоразвитой, отсталой, отчужденной, основанной на мнении, обычаях, авторитете, предубеждениях, незнании, идеологии... В лучшем случае, в эту темноту обскурантизма пытаются впустить луч света, цивилизовать, обучить, развить» [Лиотар 1998, 70].

Подобный подход не принимает во внимание то обстоятельство, что Истина и ее поиски являются монопольным достоянием *рефлексивного* сознания, которое, как уже отмечалось выше, стремится познать окружающий и охватывающий нас мир. Валюативное сознание, стремящееся к осознанию мира, свободно от диктата Истины и даже самого ее присутствия, что не превращает этот тип сознания в нечто отсталое и второстепенное, не лишает его важнейших функций по выработке ценностного консенсуса, лежащего в основе всех видов человеческой культуры.

Мы видим, что Истина царит и правит лишь в сегменте ориентационного сознания, которое к тому же не исчерпывает собой всех форм духовной активности человека. Классификационной альтернативой ориентационного сознания, как мы видели, выступает сознание *проектное*, ни в одном из видов которого истина не является конечным продуктом, который подчинял бы себе активность человеческого духа, ищущего практическую пользу или эстетическое совершенство.

Более того, не во всех формах рефлексивного сознания, ориентированного на обретение истинных знаний о мире, эта задача является практически достижимой. Помимо того, что наука сталкивается с колоссальными проблемами при исследовании бесконечно большого и бесконечно малого, подобные сложности умножаются в тех случаях, когда объектом рефлексивного анализа

оказывается человеческая субъективность. Нередко мы можем лишь догадываться об «истинных мотивах» поведения людей, живших за многие века до нас, или о «подлинных» замыслах творцов, вложенных в их произведения.

Принципиально важно, однако, не абсолютизировать эти специфические сложности, с которыми сталкивается историческая наука, искусствоведение и другие идеографические дисциплины, ориентированные на герменевтическую интроспекцию, не распространять их на номотетические науки, способные искать и находить верифицируемую регулярность в изучаемых ими объектах.

Именно так поступают многие сторонники постмодернизма, призывающие отказаться от логики «эссенциализма», ищущего некую «мертвящую всеобщность», и переориентировать внимание на единичное и случайное в нашем мире. Эти философские призывы основаны на глубоком непонимании диалектики общего и единичного, связанных между собой как две стороны одной медали. Об этом, в частности, говорил великий Гете, утверждавший, что историки по роду своей профессии ненавидят общее, но не могут без него обойтись.

Замечу, однако, что постмодернистское отношение к истине может быть «цивилизованным» и «нецивилизованным» у разных представителей этого течения. Примером первого рода могут служить идеи Лиотара, который выступает против неправомерной абсолютизации истины, но не ставит под сомнение сам факт ее существования. Лиотар призывает различать «денотативную игру, где релевантность принадлежит истинному/ложному; прескриптивную игру, которая исходит из справедливо/несправедливо; техническую игру, где критерий эффективно/неэффективно» [Лиотар 1998, 112]. Он предлагает науке «играть собственную игру», напоминая о том, что она «не может легитимировать другие языковые игры» [Лиотар 1998, 97].

Нецивилизованные сторонники постмодернизма стремятся изгнать истину из всех сфер человеческого сознания, отказывая ей в любой и всякой легитимации, отождествляя истину с валюативной правдой.

Самое смешное, что эту древнюю идею, известную с античных времен, пытаются выдать за некий судьбоносный поворот в современной культуре, революционно новый стиль мышления, меняющий основы общественного бытия. В действительности Ис-

тина была и остается вечным условием человеческого выживания в мире, информационной основой успешной адаптации к природной и социальной среде. Различие между знанием и незнанием во многих случаях тождественно различию между жизнью и смертью. Не зная причин возникновения и развития раковой опухоли, человечество теряет миллионы жизней, которые могли бы быть сохранены при ликвидации смертоносного дефицита информации. Адаптивная роль истины особо возрастает в современных условиях, когда человечество на наших глазах вступает в период «негарантированных исходов», когда не только индивидуальное, но и коллективное существование людей зависит от адекватного понимания реалий, в которых мы существуем.

Необходимая человечеству объективная истина есть вечный хлеб науки, ее смыслообразующее основание. Научная деятельность была и остается занятием, в котором, словами И. Пригожина, «нам необходимо предугадать поведение реальности, не зависящее от наших убеждений, амбиций или надежд» [Пригожин, Стенгерс 1986, 44]. Поэтому ученый не может сомневаться в существовании объективной истины, не ставя под сомнение саму суть своего занятия.

Заключение

Иначе обстоит дело с философами. Начнем с того, что не для каждого из них поиск истины является профессиональной обязанностью. Я имею в виду представителей валюативной философии, задача которых состоит в ценностном осознании мира, в поиске смыслов человеческого существования в нем. Представители такой валюативной традиции не признают философию наукой, освобождая ее тем самым от поисков верифицируемых истин, которыми должна заниматься наука. Подобный подход имеет полное право на существование в том случае, если мы не абсолютизируем валюативную традицию в философии (которую можно назвать условно «линией Сократа») и не отрицаем другой традиции («линии Аристотеля»), которая делает акцент не на должном, а на сущем, рассматривая фундаментальную философскую оппозицию «мир – человек» в рефлексивном, а не валюативном плане. Эти два типа философствования находятся в отношениях взаимодополнения и не должны отрицать друг друга в духе радикального сциентизма и антисциентизма в философии [см.: Момджян 2013].

Философы валюативного плана, признающие истину достоинством науки, вызывают у меня уважительное отношение, которое не распространяется на представителей гносеологического анархизма, конвенционализма и других философских течений, ставящих под сомнение не локацию объективной истины, а сам факт ее существования. С этой целью используются самые разные приемы – от классических установок агностицизма и скептицизма до некритического смещения *логики научного поиска* с законами *функционирования* науки как социального института. Первая – в отличие от последнего – безразлична к социокультурной конъюнктуре. Истина остается истиной и в условиях церковного диктата, и в условиях тоталитарного принуждения, и в условиях современной коммерциализации. Все эти факторы осложняют поиск истины, но не уравнивают ее с заблуждением. Конечно, в истории науки то, что считалось истиной, нередко оказывалось заблуждением, и наоборот, однако изменчивость человеческих представлений, неспособность человека знать все и обо всем не дают оснований сомневаться в способности нашего ума раскрыть пусть не абсолютную, но все же объективную истину (3).

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Неверифицируемость оценок распространяется исключительно на суждения ценности и не распространяется на суждения значимости, в основе которых лежат оценки, связанные с безальтернативными предпочтениями человеческого тела («курить – вредно»), или оценки средств, избираемых для достижения цели, которые могут быть истинными или ложными в зависимости от того, адекватно ли избранное средство поставленной цели или же не способствует ее достижению.

(2) «Истина, говорят, состоит в соответствии знания с предметом. Следовательно, в силу этого лишь словесного объяснения, мое знание, чтобы иметь значение истинного, должно соответствовать объекту. Но сравнивать объект с моим знанием я могу лишь благодаря тому, что объект познаю я. Следовательно, мое знание должно подтверждать само себя, а этого еще далеко не достаточно для истинности» [Кант 1994, 306].

(3) К. Поппер справедливо замечает: «Я на стороне науки и рационального мышления, но я против тех преувеличенных претензий на научность, которые иногда справедливо осуждаются как “сциентизм”. Я на стороне *поиска истины* и на стороне интеллектуальной отваги в поиске истины; однако я против интеллектуальной заносчивости и особенно против неуместных претензий, будто истина уже у нас в кармане или что мы можем хотя бы приблизиться к несомненному знанию истины» [Popper 1978, 340].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Гегель 1971 – Гегель Г.В.Ф. Философская пропедевтика // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1971.
- Кант 1994 – Кант И. Логика. Пособие к лекциям // Кант И. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. – М.: Чоро, 1994.
- Касавин и др. 2010 – Касавин И.Т., Князева Е.Н., Лекторский В.А. (ред.) Истина в науках и философии. – М.: Альфа, 2010.
- Лиотар 1998 – Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – СПб.: Алетейя, 1998.
- Момджян 2013 – Момджян К.Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества и истории. – М.: Издательство Московского университета, 2013.
- Пригожин, Стенгерс 1986 – Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М.: Прогресс, 1986.
- Франк 1992 – Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992.
- Asay 2013 – Asay J. The Primitivist Theory of Truth. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2013.
- Kirkham 2001 – Kirkham R.L. Theories of Truth: A Critical Introduction. – Cambridge, MA: MIT Press, 2001.
- Popper 1978 – Popper K.R. Natural Selection and the Emergence of Mind // *Dialectica*. 1978. Vol. 32. No. 3/4. P. 339–355.
- Post-Truth – Post-Truth // Oxford Living Dictionaries. – URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/post-truth>

REFERENCES

- Asay J. (2013) *The Primitivist Theory of Truth*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Frank S.L. (1992) *The Spiritual Foundations of Society*. Moscow: Respublika (in Russian).
- Hegel G.W.F. (1840) *Philosophische Propädeutik* (Russian translation in: Hegel G.W.F. *Works of Various Years in 2 Volumes. Vol. 2*. Moscow: Mysl', 1971).
- Kant I. (1800) *Logik. Ein Handbuch zu Vorlesungen* (Russian translation in: Kant I. *Collected Works in 8 Volumes. Vol. 8*. Moscow: Choro, 1994).
- Kasavin I.T., Knyazeva E.N., & Lektorsky V.A. (Eds.) (2010) *Truth in the Sciences and Philosophy*. Moscow: Alpha (in Russian).
- Kirkham R.L. (2001) *Theories of Truth: A Critical Introduction*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Lyotard (1979) *La condition postmoderne: rapport sur le savoir* (Russian translation: Saint Petersburg: Aletheia, 1998).
- Momdzhan K.K. (2013) *Social Philosophy. Activity-Based Approach to the Analysis of Man, Society, and History*. Moscow: Moscow University Press (in Russian).
- Popper K.R. (1978) Natural Selection and the Emergence of Mind. *Dialectica*. Vol. 32, no. 3/4, pp. 339–355.
- Post-Truth. (n.d.) In: *Oxford Living Dictionaries*. Retrieved from <https://en.oxforddictionaries.com/definition/post-truth>
- Prigogine I. & Stengers I. (1984) *Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature* (Russian translation: Moscow: Progress, 1986).